

Е.А. МОСКОВКИНА¹

Алтайская государственная академия культуры и искусств

**МОТИВЫ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В РОМАНЕ А. ИВАНОВА «ГЕОГРАФ ГЛОБУС ПРОПИЛ»**

Роман А. Иванова «Географ глобус пропил» прочитывается сквозь призму интертекстуальной игры. В статье выявлены мотивы русской классики, обнаруживающие традиционный для русской ментальности вектор духовного поиска, пути, креста, служения, смирения и бунта.

Ключевые слова: интертекст, миф, мотив, символ, поэтика, пародия, проза, русская классика.

E.A. MOSKOVKINA

(Altai State Academy of Culture and Arts)

**RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE MOTIVES IN A. IVANOV'S
NOVEL
“A GEOGRAPHER WHO DRANK A GLOBE AWAY”**

The novel by A. Ivanov «A Geographer Who Drank a Globe Away» is interpreted through the prism of intertextuality play. In the article the author discovers in the analyzed novel motives of Russian classical literature that reveal a traditional trend for Russian mentality consisting in a spiritual search, finding a pathway, bearing a cross, devotion, submission and riot.

Key words: intertext, myth, motive, symbol, poetics, parody, prose, Russian classical literature.

Одна из тенденций современной литературы – так называемый «новый реализм»: попытка прорыва из окружения коммерческой беллетристики, восстановления былого литературоцентризма.

¹ Евгения Александровна Московкина, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела организации научно-исследовательской работы Алтайской государственной академии культуры и искусств

Безусловное открытие нулевых – Алексей Иванов. Критики отмечают, что в романе «Географ глобус пропил» (1995) он делает ставку на «привычный реализм бытовой прозы советского толка» (так, например, книга, бесспорно, прочитывается сквозь призму соцреалистического романа-воспитания¹). Однако, пожалуй, ни в одном романе советского периода отечественной литературы нет такой изумительной иронии, такого искрометного юмора, далекого от соцреалистического оптимизма смеха на фоне экзистенциальной обреченности, такого виртуозного владения словом литературным во всех его фольклорных переливах и валентностях, «тотальной» амбивалентности с бесконечным пародированием, карнавальной (в бахтинском понимании [Бахтин, 1990]) игрой, которые, по сути, являются для автора репрезентацией самой обычной жизни.

Наслоение временных пластов (детство и зрелость героя²), настроений и впечатлений (от эйфории до депрессивной апатии), интенсивность авантюрной линии, философичность и драматичность,

¹ О.А. Сысоева рассматривает роман Иванова о школе как пародию на романы-воспитания: «Как закалялась сталь» Н.А. Островского, «Педагогическая поэма» А.С. Макаренко, а также «Люди из захолустья» А. Малышкина, «Танкер - Дербент» Ю. Крылова, «Кондуит и Швамбрания» Л. Кассиля, «Ташкент – город хлебный» А. Неверова, «Республика ШКИД» Л. Пантелеева, Г. Белых, «Правонарушители» Л. Сейфуллиной, «Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева [Сысоева, 2014, с. 185]. Однако формальная близость романа Иванова жанру романа-воспитания не является гарантом идеологического тождества. Интересную позицию по отношению к литературе, как будто предупреждая возможную дискуссию, высказывает alter-его автора: *«Доверишь листу – не донесешь Христу. Поэтому, какой бы великой ни была литература, она всегда только учила, но никогда не воспитывала»* [Иванов, 2014, с. 242].

² Начало 80-х и 90-е гг. – это не просто этапы возрастного становления героя, это столкновение двух разных исторических эпох – доперестроечной и постперестроечной – конфликт идеологий, мировоззрений, аксиологий. Драма героя в том, что при всей своей мобильности в вихре исторических перемен он «остается прежним»: *«По-моему, нужно меняться, чтобы стать человеком, и нужно быть неизменным, чтобы оставаться им. Я вот каким был тогда, в университете, таким и остался сейчас... А друзья... Друзья переменились - вместе со временем, вместе с обстоятельствами...»* [Иванов, 2014, с. 199].

и, в то же время, легкость и ненавязчивость сюжета, отсылающего местами к классической традиции, местами к эксцентричному фарсу, тонкая ирония и масса литературных и стилистических интертекстуальных «перевертышей» и «двойников»¹ – все это формирует постмодернистский текст, искусно сложенный из многочисленных фрагментов литературной традиции, культурных маркеров и художественных «слепков» самой жизни, в комплексе создающих «психологический портрет» наиболее напряженного десятилетия новейшей отечественной истории (1990-е гг.).

Стиль автора необычен и притягателен², однако первое издание «Географа» не вызвало явного читательского интереса и не стало предметом активного изучения литературоведов. Первые шаги Иванова в большую литературу, говоря словами Г. Ребель, «не потрясли читающий мир» [Ребель, 2006]. Роман «Географ глобус пропил» вышел в свет спустя восемь лет после его создания. Издательство «Вагриус», впервые опубликовавшее роман, существенно сократило текст, исключив из него важнейшую содержательную составляющую – судьбу героя-школьника, определяющую вектор развития следующих жизненных этапов центрального персонажа, сквозь «детский мир» учителя вскрывающую возрастные и психосоциальные мотивы поведения «зондеркоманды» и «красной профессуры». За пределами книги остались также некоторые «скабрзности» и «непристойности», формирующие неповторимый речевой облик горе-учителя. Поэтому первое издание оставляет

¹ «В “школьном” романе А. Иванова создана целая система героев-двойников: Надя/Саша/Ветка/Кира, Лена/Маша, Служкин / Будкин / Колесников», – отмечает О.А. Сысоева [Сысоева, 2014, с. 186]. Более того, мужские и женские персонажи также вступают в отношения взаимной рефлексии: очевидное сходство характеров наблюдается в парадигме Служкин /Саша; Будкин /Кира; Колесников /Ветка; Овечкин /Маша. Итолько Надя и Лена оказываются вне этой системы отражений, в стороне «от страха, от любви, от жизни» [Иванов, 2014, с. 308].

² «Авторский язык, – пишет Г. Ребель о стилистических особенностях «Географа», – обладает такой образно-созидательной силой, лексической емкостью и стилистической устойчивостью, что оказывается способен выдержать даже очень существенные перегрузки» [Ребель, 2006].

впечатление незавершенности, несобранности произведения. Только более поздние публикации представили на суд читателя полный текст.

Наряду с программными соцреалистическими установками объектом пародирования и в то же время серьезного осмысления в романе становится русская классическая литературная традиция XIX в.

«Географ» пропитан литературными маркерами – герой пишет стихи, цитирует классиков, философствует: *«Думать всегда страшно...»*; *«Мы никогда не ошибаемся, если рассчитываем на человеческое свинство<...> Ошибаемся, лишь когда рассчитываем на порядочность. Что значит «исправить свои ошибки»? Изжить в себе веру в людей?... Самые большие наши ошибки – это самые большие наши победы»*; *«Находишь только тогда, когда не знаешь, чего ищешь. А понимаешь, что нашел, чаще всего только тогда, когда уже потерял»*; *«Я думаю в самом узком масштабе – только человек»*; *«Потерять можно только то, что имеешь»* [Иванов, 2014, с. 83, 186, 199, 186, 421].

Хорошо эрудированный Служкин бесконечно сыплет цитатами философов, литераторов, публицистов, искажая их настолько, насколько того «требует» контекст. Автор романа, таким образом, применяет своеобразную технику популяризации-фольклоризации классики в раёшно-лубочном варианте, его герой манипулирует высказываниями признанных ученых, поэтов, мыслителей так же легко, как бесцеремонно «присваивает» новые смысловые оттенки текстам шлягеров (*«Эти глаза не против»*) [Иванов, 2014, с. 187]. Среди цитируемых авторов герой отдает несомненное предпочтение Пушкину, например: *«Жег глаголом, да назвали балаболом»*; *«Но долго буду тем любезен я народу, <...> что чувства добрые я лирой пробуждал»* [Иванов, 2014, с. 61, 96].

Есть в романе пародия на стихотворение М. Цветаевой (которая, в свою очередь, считала себя ученицей Пушкина [Цветаева, 2012]) «Прохожий»:

*Помедли, случайный прохожий,
У этих гранитных плит.
Здесь тело Петрова Алеши*

*В дубовом гробу лежит*¹ [Иванов, 2014, с. 38].

Имя центрального героя – Виктор Сергеевич Служкин, безусловно, созвучно имени великого русского поэта. Это соответствие не случайно – в романе есть эпизод, «поддерживающий» логику анаграммы. Сын бывшей одноклассницы Служкина Лены Анфимовой не может отчетливо произнести фамилии Таты – дочери героя: «– *А мне Андрюша говорил: «Тата Шушкина, Тата Шушкина»...*, – рассказывает Лена, – *Я думала – Шишкина или Сушкина... – Или Пушкина»* [Иванов, 2014, с. 45], – продолжает Служкин.

В парадигму Служкин/Пушкин включаются и другие созвучные имена: например, Будкин и даже Пуджик (кот героя).

Кот – далеко не эпизодический персонаж, он появляется в романе уже в третьей главе «Знакомство» и, почти непрерывно сопровождая героя на протяжении всего повествования, фигурирует в заключительной сцене. Вечно мимикрирующий, обаятельный, независимый и нахальный, как булгаковский Бегемот, неуязвимый, как мифологический кот-баюн, мудрый, как пушкинский Кот ученый, Пуджик – своеобразный семейный талисман в непутевой супружеской жизни Служкина. Кот как будто смягчает бытовые неурядицы, снимает напряжение полных драматизма выяснений отношений Служкина и Нади, манипулирует вниманием и эмоциями героев и читателя. Почти все «домашние» эпизоды романа оживлены присутствием Пуджика, который делает, казалось бы, неустроенную жизнь Служкина неожиданно уютной и состоятельной². Исчезновение

¹Ср. у Цветаевой: *«Идешь, на меня похожий, // Глаза устремляя вниз. // Я их опускала - тоже! // Прохожий, остановись!»* [Цветаева, 2000].

² Уже в главе «Знакомство», где, собственно, и состоит знакомство читателя с Пуджиком, подчеркивается его вездесущность: *«На подоконник тотчас запрыгнул Пуджик, чтобы видеть, чего станут есть. Он как-то мгновенно уже успел всем осточертеть: Тата об него запнулась, Служкин наступил на хвост, Надя чуть не прищемила ему голову дверцей холодильника, а Будкин едва не сел на него»* [Иванов, 2014, с. 14]. Далее присутствие кота становится менее навязчивым, но неизменным: *«Надя уткнулась лицом в стену, в старый, потертый ковер, пропахший пылью и Пуджиком», «Тата: укладывала Пуджика в коляску. - Спи, дочка, - говорила она, укрывая кота кукольным одеялком», «Служкин на четвереньках ползал под кроватью с*

кота или посягательство на его жизнь (двоечник Градусов угрожает Географу расправой над котом) воспринимаются Служкиным весьма неравнодушно, более того, герой частично отождествляет себя с Пуджиком¹. Таким образом, кот – одна из ключевых мифологем [Токарев, 1994, с.10] романа Иванова наряду с такими архетипами как река, дорога, путешествие и пр.

Тандем Будкин/Служкин напоминает дружбу Онегина и Ленского. Будкин – интересуется многочисленное женское окружение Служкина исключительно как выгодная партия: ср. «*Богат, хороши собою, Ленский // Везде был принят как жених*» [Пушкин, 1984, с. 63]. Разные до противоположности Служкин и Будкин (Ср. «*Они сошлись. Волна и камень, // Стихи и проза, лед и пламень // Не столь различны меж собой*» [Пушкин, 1984, с. 63]), примеряют на себя «маски»² то

пылесосом. Пуджик, раздувшись огромным шаром, сидел в прихожей на полке для шапок и шипел на пылесосный шланг» и пр. [Иванов, 2014, с. 19, 80, 92].

¹ « - Ты рыбу коту купил? - не здороваясь, спросила Надя. - Нет? Своим ужином его кормить будешь. Пока не разделся, сходи в подвал, пощи его. Потом мусор выброси.

С ведром в руке Служкин вышел из подъезда. Он направился вдоль фундамента дома, кискистая в разбитые подвальные окна. Из одного окна в ответ раздалось задумчивое бурчание и скрежет когтей по водопроводным трубам. Служкин присел возле этого окна на корточки и позвал снова:

- Кис-кис-кис... Пуджик, гад... Кис-кис-кис... Ты чего сбежал? Кормят, что ли, плохо? Или дорогу домой забыл? Кис-кис-кис... Иди сюда, куда исчез?... Кис-кис-кис...

Опять пропал, сволочь... Кис-кис... Ладно - я, а ты-то чего выпендриваешься?» (выделено нами – Е.М.) [Иванов, 2014, с. 161].

² Тема маски применительно к художественной традиции возникает в философской дискуссии Служкина и Киры: «- Для тебя понятия правды и неправды неприемлемы, как для **романа**. Твои **маски** так срослись с тобой, что уже составляют единое целое. Даже слово-то это – "маски" – не подходит. Тут уже не маска, а какая-то пластическая операция на душе. Одно непонятно: для чего тебе это нужно? Не вижу цели, которой можно добиться, производя дурацкое впечатление.

*– Могу тебе назвать миллион таких целей. Начиная с того, что хочу выделиться из массы, кончая тем, что со мной таким легче жить. Впрочем, если ты помнишь **классиков**, "всякое искусство лишено цели". Так что возможен вариант "в белый свет как в копеечку"» [Иванов, 2014, с. 218] (выделено нами – Е.М.).*

одного, то другого пушкинского героя: более романтический Служкин напоминает восторженного Ленского, прагматичный, пресыщенный жизнью Будкин по-онегински хандрит, непринужденно влюбляет в себя Надю, получает любовное послание от Сашеньки Руневой, окруженный женским вниманием, питает подлинный интерес только к замужней женщине. Однако, с другой стороны, постоянно рефлексирующий, ищущий себя, неудовлетворенный, наделенный всем комплексом черт «лишнего человека» Служкин, безусловно, апеллирует к онегинскому типу, в то время как некоторое самолюбование, уверенность в собственной неотразимости, максимализм и успех у женщин Будкина инвертирует последнего в пародию Ленского. Жонглирование литературными амплуа автором «Географа» реконструирует и одновременно дестабилизирует схему классического романа XIX в.¹

Обращает на себя внимание необычное имя дочери героя романа: Тата – вероятно, что-то среднее между Татьяной и Натальей (это, пожалуй, самые значимые имена в судьбе Пушкина) – противопоставлена всем любовным увлечениям и интрижкам Виктора Служкина как высокая непреходящая безусловная любовь. Другая героиня романа – Маша Большакова также носит имя самых трепетных пушкинских героинь («Дубровский», «Капитанская дочка», «Метель»).

Кстати, отношения Служкина и Маши, которые выглядят как мезальянс (учитель и ученица), по меркам XIX в. таковыми не

¹ Сославшись на логику А.В. Млечко в отношении «русских» романов Набокова, О.А. Сысоева очень точно, на наш взгляд, определяет принцип пародирования Иванова: «роман Алексея Иванова находится в сложной системе интертекстуальных связей с рядом текстов предшествующей культуры, пародирование которых становится формальным стержнем всего произведения. Причем подражание объекту пародии касается только внешней стороны, имея совершенно иную внутреннюю направленность. Пародия при этом выступает не столько как способ организации художественного материала, сколько как форма диалога с традицией, «своеобразная форма памяти – не крушение кумиров, не заполнение пустующих форм новым содержанием, но творческое обыгрывание, вживление в их казавшуюся мертвой плоть новых смыслов» [Млечко, 2003, с. 51-52]. В этом отношении Алексей Иванов попадает в центр проблемного поля поисков новой художественной литературы» [Сысоева, 2014, с. 186].

являются: Служкину – 28 лет, Маше – 14. Пушкин впервые встретил 16-летнюю Наталью Гончарову, когда ему было 29 лет, и женился на ней спустя 2 года.

Еще одна «пушкинская аллюзия» – Роза Борисовна – завуч школы, в которой работает Служкин. Называя свою непосредственную начальницу «Угрозой», герой романа как будто намекает на банальную рифму (поэтический штамп), неоднократно высмеиваемую Пушкиным: розы/слезы/морозы/угрозы.

Возьмем для примера знаменитые строфы (VII-VIII и XLII) четвертой главы «Евгения Онегина», в которых как будто есть намек и на отношения Служкина и Маши (тема «обольщения» неискушенной девицы, юность героини, находящейся под «надзором» матери, еще более пристально «надзирающей» за мужским окружением дочери) и встречается упомянутая рифма:

VII

*Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей.*

...

VIII

*Кому не скучно лицемерить,
Различно повторять одно,
Стараться важно в том уверить,
В чем все уверены давно,
Всё те же слышать возраженья,
Уничтожать предрассужденья,
Которых не было и нет
У девочки в тринадцать лет!
Кого не утомят угрозы,
Моленья, клятвы, мнимый страх,
Записки на шести листах,
Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры теток, матерей,
И дружба тяжкая мужей!*

XLII

И вот уже трещат морозы

*И серебрятся средь полей
(Читател ъждет уж рифмы розы;
На, вот возьми ее скорей!)* [Пушкин, 1984, с. 105, 122]
(выделено нами – Е.М.)

В «Географе» находит место и мотив пушкинской эпистолярной «трагедии». Сашенька (так, кстати, звали одну из сестер Натальи Гончаровой, с которой Пушкину приписывали роман) пишет письмо Будкину и заочно (через Служкина) получает «онегинскую» отповедь (правда, слова Будкина Служкин Сашеньке так и не передает). Тема любовной переписки продолжается и в отношении Маши и Служкина: эти герои ведут эпистолярный диалог в школьных тетрадах.

На смену изощренной риторике эпистолярной традиции классического романа в «Географе» приходит визуализация при крайней экономии речевых ресурсов. Вербальная сдержанность переписки героев («письмо» Сашеньки, например, состоит из семи предложений и явно уплотняет модель «записок на шести листах») дополняется в романе Иванова целым арсеналом образных средств, близких к кинематографическим: «...смutilась Саша и достала из кармана сложенный вчетверо тетрадный листок», «Лаконично и поэтично, – сказал Служкин, складывая листок и убирая в карман», «Будкин задумчиво начал складывать из письма самолетик.<...> Будкин ловким, точным движением запустил самолетик. Тот нырнул, вынырнул, полетел за край крыши по красивой нисходящей линии, пронесся над желто-зеленым ветхим тряпьем березок в сквере и вдруг без видимой причины кувыркнулся вниз и исчез в тени, как в озере.<...> Вечером Служкин отправился в садик за Таточкой, но, отойдя от подъезда на пять шагов, вдруг свернул с тротуара и через ограждение полез в сквер. Забравшись в заросли поглубже, он осмотрелся, подпрыгнул и выдернул из листвы березки маленький бумажный самолет» [Иванов, 2014, с. 28, 30, 32]. «Похождения» Сашенькиного письма превалируют над его содержанием: характеры героев раскрываются через взаимодействие с письмом как фетишем, как бы минуя текст последнего. Манипуляции с письмом – сворачивание/разворачивание, перемещение во времени и пространстве, взлеты и падения, его трансформация – тетрадный листок/самолетик – через инфантильный семиотический комплекс

дезауалирует хрупкие человеческие отношения, мимолетные и неотвратимые повороты судеб героев, сакральное и профанное в мифопоэтическом пространстве романа.

Неразрывную связь «Географа» с традицией русской классики подчеркивает одна из центральных глав романа – глава 32 «В том гробу твоя невеста...». Это, без сомнения, самый «пушкинский» эпизод романа, озаглавленный цитатой из сказки «О спящей царевне...», которую Служкин читает на ночь маленькой дочери. В этой же главе Служкин в травестийной, анекдотической манере рассказывает о «дуэли» юного (одиннадцатилетнего) Будкина со старшеклассником Колесовым. Здесь тоже угадывается созвучие Колесов/Дантес; будущая профессия Колесова («мент») соотносится с военной карьерой Дантеса; имя Колесова – Владимир, безусловно, отсылает к образу литературного дуэлянта – Ленского. Будкин, жестоко ревнуя вожатую к старшекласснику Колесникову, похищает у сторожа ружье с твердым намерением «сразить» соперника. Портретное описание Будкина очень напоминает юного Пушкина: он был, по словам Служкина, «...мелким иуплым тушканчиком с большими и грустными глазами и весь в кудрях. Еще он был очень тихим, застенчивым и задумчивым...» [Иванов, 2014, с. 207]. Примерно так выглядит Пушкин-лицеист на знаменитой гравюре Е. Гейтмана (1822)¹.

¹ Поскольку детская память Виктора Служкина на редкость отчетлива, портреты классиков из школьных кабинетов также намеренно врезаются в роман, как и цитаты выдающихся литераторов: «Под потолок уходили портреты классиков попережку с их цитатами. Все это было знакомо Витьке почти до замыленности» [Иванов, 2014, с. 112]. Графические пародии в романе дополняют литературные: «Хмыкнув, Витька открыл учебник и нашел нужную страницу. Там была фотография "В. В. Маяковский на выставке "20 лет работы". Здоровенный Маяковский, улыбаясь и скрестив руки на стыдном месте, разговаривал с пионерами на фоне плакатов, где были изображены разные уродливые человечки. Взяв ручку, Витька принялся разрисовывать фотографию: одел Маяковского в камзол и треуголку, а пионеров в папахи, ватники и пулеметные ленты. Внизу Витька подписал: "Встреча Наполеона с красными партизанами". Такими переработками сюжетов Витька испакостил весь учебник. Даже на чистой белой обложке, где строго синел овал с портретом Горького, Витька приделал к голове недостающее тело, поставил по бокам бурлаков в лямках, а на дальнем плане

Заканчивается глава, пожалуй, самым пронзительным и глубоким диалогом Служкина и Нади, вскрывающим не только масштабы и драматичность характера главного героя, но и всю полноту и определенность авторской позиции: «Ну, Наденька, не плачь, – попросил он. – Ну перетерпи... Я ведь тоже разрываюсь от любви... – К кому? – глухо и гнусаво спросила Надя. – К себе? – Почему же – к себе?... К тебе... К Таточке... К Будкину... К Пушкину» [Иванов, 2014, с. 215].

В романе причудливо сочетаются, но не конфликтуют приметы соцреализма (Брежнев, совет дружины, стенгазета и пр.), реалистического романа XIX в. (черты «героя нашего времени» и тема «лишнего человека», описания природы в духе русских классиков (Толстого, Тургенева, Бунина¹)) самого беззаботного фарса, который у Иванова парадоксальным образом всегда приобретает едва ли не трагический колорит. Таковы, например, «комический» эпизод траурной линейки в день смерти Брежнева, где по ошибке Служкина вместо реквиема звучит хит группы «АВВА» «Маны-маны», что является очевидным маркером постбрежневской эпохи, когда на смену идеологическим ценностям приходят материальные; сцена подглядывания в бане, в которой по стечению обстоятельств

изобразил барку» [Иванов, 2014, с. 110-111]. Важно, что герой преобразует образы классиков не из отвращения к последним, а, напротив, таким образом выражает неподдельный интерес к литературе: «Рисуя, Витька внимательно слушал Чекушку. Ему было интересно» [Иванов, 2014, с. 111].

¹ «Поныши, который летом был шириною едва ли в двадцать шагов, сейчас разлился так, что затопил ельник на противоположном берегу докуда хватает глаз. Весна выдалась поздняя и дружная. Талые воды со склонов гор, из урочищ хлынули сплошным потоком. Этот поток стремительно нес сорванные ветки, источенные льдины, куски мха и дерна, недогнившую листву, обломки коры, черную траву. На стволы деревьев накрутило юбки из бурого мочала. Грязная пена тянулась по быстротоку, сбиваясь в комья над водоворотами. Поныши был мутным, как самогон»; «Лужи крыльями размываются по дороге и остаются позади взбаломученные, кофейно-задымленные»; «Вечер сгустил все краски, в цвета тропических рыб расписал хвосты и плавники облаков. Дикий, огненный край неба дымно и слепо глядит на нас бездонным водоворотом солнца. Надувная плошка и пригоршня человечков на ней - посреди грозного таежного океана. Это как нож у горла, как первая любовь, как последние стихи» [Иванов, 2014, с. 314-315, 315-316, 321].

оказывается учительница; двоичники Безматерных и Безденежных – раздвоенный символ бесприютности и беспризорности детей 90-х – неприкаянные Труляля и Траляля; анекдотическая вставная новелла о приключениях Будкина в пионерском лагере; эпизод экстремального катания пьяного учителя на детских санках; почти водевильная сцена «Маша и Угроза Борисовна» в последней главе романа: *«Любой анекдот, – резюмирует герой, – это драма. Или даже трагедия. Только рассказанная мужественным человеком»* [Иванов, 2014, с. 217].

Особое место в «Географе» отводится фольклорной традиции. Герой проходит троекратную инициацию: жизнь школьника, жизнь учителя и жизнь в походе. Лентяй и дурак – ключевые характеристики героя русских сказок – «пристают» к Служкину с первых страниц романа: *«Ты лентяй, Витус, <...> Идеалист и неумеха. Только языком чесать и горазд»* [Иванов, 2014, с. 15], – обобщает Будкин. Дураком неоднократно называют Служкина Надя и Кира: *«Ты шут! Неудачник! Ноль! Пустое место!»* [Иванов, 2014, с. 83]; *«Сколько ни прикидывайся дураком, всегда найдется кто-нибудь дурее тебя, так что этим не выделитесь»* [Иванов, 2014, с. 218]. Связь образа главного героя, «юродствующего миру», скорбящего весельчака, с фольклорным дурачком не вызывает сомнений.

Конвергенция с Будкиным обнаруживает еще одну интертекстуальную параллель: Штольц/Обломов – с характерным любовным треугольником Служкин – Надя – Будкин. Будкин – делец, предприниматель/ Служкин–«лентяй», «идеалист и неумеха». В романе даже появляется хрестоматийный обломовский диван (гл. «Переселение на диван»), на котором Служкин проводит все время дома, проверяя работы школьников. Однако, в интерпретации Иванова классический любовный треугольник превращается в многоугольник: в него втягивается Тата – дочь Служкина и Нади, Маша, ученица Географа, о которой мечтает молодой по-пушкински влюбчивый учитель, его старые школьные увлечения – Лена, Саша, Ветка, новая страсть – Кира. Надя, в свою очередь, делает мучительную попытку уйти к Будкину, но возвращается к Служкину-неудачнику. И здесь вновь артикулируется весьма несовременная (пушкинская) этическая позиция Иванова: *«Я вас люблю (к чему лукавить?), // Но я другому отдана; // Я буду век ему верна»* [Пушкин, 1984, с.229]. В диалоге с

классикой Иванова его герой, в отличие от Онегина и Обломова, стоит по другую сторону брака, оценивает происходящее с позиции «другого». Вместо образа отвергнутого возлюбленного Иванов выводит из тени образ нелюбимого мужа, драма которого в том, что он не хочет принять в жертву порядочность жены и не умеет сделать ее счастливой.

Таким образом, герой «пронизывает» литературную традицию XIX в., «укоренившись» в мифопоэтическом комплексе народной культуры, – бессребреник, «иванушка-дурачок», балагур¹, он же трикстер – плут-проказник, бесконечно насмехающийся над жизнью – дурак, оставляющий в дураках всех и вся², он же – воплощение идеи лишнего человека (классическая литература XIX в) – талантливый, образованный, остроумный, не сумевший и по-обломовски не желающий самореализоваться, добиваться социальной

¹Связь с фольклорным началом подчеркивается поговорками и прибаутками, которыми пересыпана речь Служкина: *«хорош – не хорош, а вынь да положи»*, *«Доведет доброты, что пойду стучать в ворота»*, *«Нету толка, когда в заду иголка»*, *«В плечах аршин, а на плечах кувшин»*, *«дураков на сказки ловят»*, *«без шутки жить жутко»*, *«О нем поминки, и он с четвертинкой»*, *«Смышлен и дурак, коли видит кулак»*, *«Атлет объелся котлет»*, *«Новое поколение выбирает опьянение»*, *«не люблю, когда ставят сапоги на пироги»*, *«Брехать – не кувалдой махать»*, *«Командир пропил мундир»*, *«глисту длиною в версту»* [Иванов, 2014, с. 14, 16, 27, 47, 83, 84, 86, 87, 158, 188, 189, 438] и т.д. и т.п.

²Начинается роман с эпизода, где Служкин зайцем едет в метро и избегает штрафа, изображая перед контролерами глухонемого; роль учителя исполняется героем не менее экстравагантно, говоря словами Розы Борисовны *«...стиль общения с учениками весьма фриволен <...> Учитель, не соблюдая дистанции, держит себя наравне с учениками, вступает в перепалки, сидит на столе, отклоняется от темы урока, довольно скабрёзно шутит, читает стихи собственного сочинения...»* [Иванов, 2014, с. 52]; наиболее иллюстративна в этом отношении игра Служкина в подкидного с Градусовым – здесь появляется гоголевский мотив взаимодействия с нечистой («Пропавшая грамота»). Внешность Гардусова и его выходки явно коррелируют с фольклорными представлениями о бесах: *«Служкин закурил, блаженно шурясь, и вдруг увидел, что на том месте, где только что сидели девочки, из клубов дыма материализовался Градусов – маленький, нахотленный, носатый, рыже-растрепанный и красный от злости»* [Иванов, 2014, с. 291].

значимости в ситуации глубокой депрессии так называемых «потерянных» 90-х.

Один из центральных смысловых перевертышей романа – Служкин (учитель/ребенок) приставлен «усатым нянем» к «проблемным» старшеклассникам, которых он называет «отцами». Школа как временное профессиональное пристанище Служкина становится символом продолжения школы жизни, пограничным мифопоэтическим пространством пути становления героя. Через школьников жизнь дает Географу новые и новые уроки, и под «патронажем» «отцов» он приобретает бесценный духовный опыт. Как видим, в тексте романа реализуется еще один интертекстуальный код тургеневской темы отцов и детей.

Прием выворачивания наизнанку сущности отдельных героев, социальных и философских ценностей реализуется у Иванова в контексте бахтинской смеховой амбивалентности (смещения верха и низа, сакрального и профанного). Ряд деталей в тексте романа прямо указывают на причастность художественного пространства «Географа» к поэтике карнавализации: Будкин меняет местами руки и ноги Татиной куклы, Колесов на место флага пионерской линейки определяет трусы вожатой, Тата принимает подаренную Будкиным панаму за трусы.

Двойственность, диалогичность, смешанность, противоречивость чувств, убеждений, намерений, желаний – суть мироощущения героя, не научившегося бежать от жизни в бизнес, в профессию, успех, благополучие, щедро раздающего себя миру, обреченного на одиночество.

Философское кредо героя и, собственно, пафос всего романа звучит в финале самой напряженной главы «Оба берега реки»: *«Мне больно, но я обреченно рад этой боли. Это – боль жизни»* [Иванов, 2014, с. 429]. В другом эпизоде герой говорит: *«Я-то ничего не теряю, у меня нет ничего»* [Иванов, 2014, с. 189]. Это чисто христианская позиция, утверждающая бренность земного бытия. Однако в то же время Служкин почти физиологически ощущает острую привязанность ко всему земному по-юношески трепетным и по-стариковски усталым, преданным жизни и людям сердцем (весь его путь – любовь к людям и служение людям – Служкин – в имени героя его предназначение).

Финал романа (последняя глава называется «Одиночество») по-своему драматичен и одновременно лиричен: *«Служкин стоял на балконе и курил. Справа от него на банкетке стояла дочка и ждала золотую машину. Слева от него на перилах сидел кот. Прямо перед ним уходила вдаль светлая и лучезарная пустыня одиночества»* [Иванов, 2014, с. 444].

Завершает роман узнаваемая фольклорно-литературная мифологема – крест/перекресток. Кот, сидящий слева, олицетворяет индивидуальные потребности Служкина, дочь, стоящая по правую руку героя в ожидании золотой машины¹, воплощает семейную ипостась героя, и, наконец, открывшаяся перед ним *«светлая и лучезарная пустыня одиночества»* – и есть традиционный выбор героя русской классики – путь, поиск, служение².

Открытый финал в лучших русских литературных традициях всегда оставляет надежду, свет, пространство для раздумий, это, без сомнения, катарсический финал, по-пушкински примиряющий и открывающий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1990. – 453 с.

Иванов, А.В. Географ глобус пропил / А.В. Иванов. – М.: АСТ, 2014. – 444 с.

Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – Т.2. – 719 с.

Млечко, А.В. Игра, метатекст, трикстер: пародия в «русских» романах В.В. Набокова / А.В. Млечко. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. – 188 с.

¹ В этом казалось бы нелепом образе – явный намек на «девичьи мечты» Нади – вариация на тему принца на белом коне, золотой кареты и пр.: Тата ждет того, чего не дождалась в свое время Надя; золотая машина, таким образом, – это еще одна горькая усмешка Служкина над пустыми амбициями жены и в то же время – комплекс вины перед дочерью.

² Этот выбор (крест) отчасти противопоставляется обывательским и индивидуалистическим приоритетам Запада, которые торжествовали в умах и сердцах постсоветского социума.

Пушкин, А.С. Евгений Онегин / А.С. Пушкин. – М.: Художественная литература, 1984. – 255 с.

Ребель, Г. Явление Географа или живая вода романов Алексея Иванова / Г. Ребель // Журнальный зал: Русский толстый журнал как эстетический феномен. – URL: <http://magazines.russ.ru/october/2006/4/re8.html> (дата обращения: 06.08.2014).

Сысоева, О.А. Жанровая специфика романа Алексея Иванова «Географ глобус пропил» / О.А. Сысоева // Филологические науки: вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 2 (32): в 2 ч. Ч. II. С. 184–186.

Цветаева, М. Мой Пушкин / М. Цветаева. – М.: Фолио, 2012. – 220 с.

Цветаева, М. Прохожий / М. Цветаева // Классика.ру. Марина Цветаева. – URL: <http://www.klassika.ru/stihi/cvetaeva/idesh-namenua.html> (дата обращения: 11.08.2014).